

Е.Г. Юра боролся с коррупцией, с терроризмом, с национальными проблемами и так далее. Есть ли смысл вот такой самоотверженной борьбы, класть жизнь на алтарь этой борьбы?

В.С. Да Юра не клал жизнь на алтарь никакой борьбы. Юра был фантастический журналист, потрясающий политик... эмоциональный... И удивительно обаятельный и интересный человек вообще. Живой и радостный. Он же так жил, а не клал на алтарь. Это его реально волновало и интересовало. Также как Анечку Политковскую, у нас с ней очень сильно отличались взгляды, но я ее очень уважал. То есть она что, ездила в Чечню, чтобы класть свою жизнь на алтарь? Нет, она так жила. Это часть нашей профессии, нам это интересно. Мы от этого получаем адреналин – это смысл нашей жизни.

Е.Г. У него была такая фраза, тоже прошедшая как бы мимо, в одной из последних статей: «Зачем мне столько информации, если я ничего не могу сделать?».

В.С. Это то, что возникает у любого журналиста. У любого журналиста, притом в любой стране. У каждого море информации – и что с ней делать? И проблема была уже в том, что у Юры другая была проблема, он же был и законодатель. А когда ты одновременно являешься законодателем и журналистом, ты начинаешь понимать, что даже та информация, которая есть, а как ее дальше пускать? Он же работал не один, он же работал довольно близко, как я понимаю, и с Гуровым, ну там много с кем-то, там с Сашей Хинштейном. И Юра был уже очень уважаемый в Думе. То есть, наоборот, там поддержка была всякая. Нет, здесь совсем другая история.

Е.Г. А вот возвращаясь к чеченской проблеме. Мы столкнулись с такой историей, Измайлов очень много рассказывал, как они с Юрой спасали. Действительно, Юра искренний, я-то его тоже очень хорошо знаю, он был очень искренний человек. Он помогал и чеченским, и русским.

В.С. Конечно.

Е.Г. Когда мы приступали к картине, искали какие-то средства, обратились к чеченцам, не буду называть имён, и он сказали: «Щекочихин?».

–В.С. Слушайте, чеченцев очень много, очень разных. Это так же, как обратиться к нам, евреям. Вы можете обратиться к Роману Аркадьевичу, можете обратиться к Борису Абрамовичу, можете обратиться к неизвестным людям, они вам окажут помощь. То есть, смешно это продлевать на весь народ. Для кого-то Щекочихин враг, для кого-то Щекочихин друг.

Е.Г. Они выступили, что якобы его позиция по отношению к Чечне, ведь есть...

В.С. Смотря с каким кланом вы говорили. Ну, слушайте, ну, я там много бываю, у меня там много друзей, но вот я дружу с батальоном Запада, поэтому, естественно, это не очень нравится людям, близким к Рамзану Кадырову, потому что Запад всегда стоял особняком. И я ему высказываю очень жесткие вещи. Поэтому часть чеченцев очень хорошо относятся, а часть чеченцев очень плохо относятся. Они разные. Это нормально.

Е.Г. То есть нет посыла?..

В.С. Да нет единого посыла у народа. Вы же... Вы то же самое, что верите в еврейский заговор. Что есть единый посыл от еврейского народа – бредятина же. Нет, это же бредятина, как еврейский заговор. Я еврей. Но сказать, что у вас есть единая консолидированная еврейская точка зрения? Господи, да нет, конечно.

Е.Г. Есть версия, что ему яд подсыпали именно в самолете, когда он улетал из Чечни.

В.С. Все может быть. Это абсолютно реально. Только не то, что подсыпал чеченец. То есть это же надо расследовать. Потому что подсыпать могли где угодно, кто угодно, стюардесса, что угодно, это миллион вариантов.

Е.Г. Володя, а вы верите, что есть реальность и необходимость, не близких друзей, а общества, расследовать гибель Щекочихина?

В.С. Ответ элементарный, что каждая смерть должна быть расследована, которая вызывает сомнения. Тем более смерть такая значимая. А есть понимание нашей жизни. Убийство Влада Листьева, что, расследовали? Мы знаем заказчика? И так дальше мы пойдем да, и дикое количество громких убийств. Когда убили Головлёва? Когда убили, на мой взгляд, единственную реальную женщину, которая могла быть президентом Российской Федерации? Когда ее в Питере застрелили, да, и ничего же не случилось. Ну просто, да, нам стали рассказывать, что вот это какой-то помощник – вот это за деньги, вот это там якобы там какая-то партия. Но общество же так не приняло эту

версию. Мы так и не знаем реально, что произошло. А потеряли великого политика. Сильную, красивую, умную женщину. В самом расцвете сил же она была. Мне о Юре говорить сложно, он мой сосед. Понимаете, поэтому для меня мне очень хочется, чтобы нашли и наказали убийцу. У меня нет никаких сомнений, что Юру убили. Я помню, как он зазывал на шашлыки, и как он вообще там радовался всему. Ну это же атмосфера, как у Окуджавы. Он же там в нескольких шагах дом был... И я вырос на этой улице. Я близко дружил с семьей Льва Ивановича Ошанина. И с 93-го года жил напротив его. Юра же все время был в отъезде. У него все время люди, все время живой. Его же вообще не волновали какие вещи материальные. Он же такой, по сути, бессеребренник. Его все это не очень интересовало. Интересовало погрузиться. Он каждый день решал этот детектив. Он жизнь, на мой взгляд, видел сюжетами. Он, в принципе, рассматривал жизнь, как набор сюжетов для статей, для творческой деятельности. И надо ли, чтобы его убийство было расследовано, и мерзавцы были найдены? Конечно. Надо ли это обществу? А что вообще надо нашему обществу?

Е.Г..Хороший вопрос.

В.С. Это же самый тяжелый вопрос. О каком обществе мы с вами говорим? Мы с вами говорим об обществе, где дети выпрыгивают из окон только для того, чтобы потом кто-то мог таскать их родителей в передачи на этом зарабатывать рейтинг, не понимая, что это толкает следующих к самоубийству. Мы говорим об обществе, где детей-сирот при живых родителях больше, чем было после Второй мировой войны, брошенных в детские дома. Сейчас постепенно с Пашей Астаховым, эта ситуация стала меняться. Мы, о чем говорим? Об обществе, где убивают до сих пор. Банда подростков 14-16 лет, убивает людей, которые на них не похожи. Мы же с вами говорим о страшных временах.

Е.Г.Воолодь, ну вот, к страшным временам. Юру тоже убили накануне выборов...Вы как-то видите нашу страну глазами Юры? Который боролся?

В.С.Нет, не могу на это претендовать даже. Ну, как можно говорить «глазами Юры»? Юра был талант. Юра – большой талант. Юра, Юра человечище. Он и чувствовал по-другому, он и ощущал по-другому. Он не боролся, он помогал людям. Он же себя никогда не позиционировал как «я борец». Нет, он просто людям помогал. Вот он так видел свое служение людям. Ведь Юра был рыцарь без страха и упрека. Вот абсолютно такой средневековый персонаж. И он же всегда был немножко не из этой жизни. Он и выглядел всегда, как

человек не из этой жизни. У него и внешность была, ты никогда не понимал его возраста. Он вот просто как пришелец был.

Е.Г. Наивный был?

В.С. Был бы наивный, не дожил бы даже до таких лет, поэтому это не была наивность. Он был искренний, он был такой загорающийся. То есть, конечно, он не был наивным, потому что, когда ты перелопачиваешь дикое количество информации, наивность увя, уходит. Так же, как легкое очарование от человечества. Нет, наивным он, наверное, не был. Это как-то по-другому называется.

Е.Г. Его знаменитая фраза: «Мы команда, а не банда». И вот эта попытка собрать команду которые честные...

В. С. Это не наивность. Он был чистый, он же рыцарь, понимаете? Вот он и рыцарь, у него есть понятие чести. Для него не все средства были хороши, он был такой... То, что раньше называлось правильным словом «чистоплюй», что очень важно. Вот для него были вещи, которые можно и которые нельзя. Были люди, которым можно руку подавать, а которым нет.

Е.Г.Сейчас секрет большой расскажу. Что он с одной стороны, очень любил декабристов, переписывал и писал про декабристов, а с другой стороны, дома играл в солдатики.

В.С. Это и правильно, так и должно было быть. А кто из нас до сих пор не играет в солдатики? А декабристы... Ну, опять же, почему? Он же любил декабристов Окуджавы. Не исторических декабристов, декабристов, которые предавали на допросах друг друга, и только Лунин оставался верен клятве. Нет. Он любил то представление о декабристах, которое было у шестидесятников. Вот этот порыв. Его меньше всего на свете, я думаю, в тот момент волновала горькая историческая правда, как это часто бывает. И ни в чем невинный генерал Милорадович убитый, и пострадавший потом ... полк, нет, это не волновало. Вот этот порыв.

Е.Г. А скажите, у него была достаточно верная концепция, но, по-моему, она для широкой публики неприемлемая, в ней прозвучала нотка разочарования в народе, которая почему-то вместо того, чтобы стремиться к свободе, стремится к сильной руке.

В.С. А это разве противоречит одно другому? В Америке сильная рука? Еще какая, попробуйте пойти против закона. И вы натолкнетесь на такой отпор, что вдруг поймете, что это не аморфное существо. Мало того, Америка –

страна, выстроенная сильными руками. Не только отцов-основателей, но и современной Америки – это во многом Рузвельт. Который-то устраивал такое, что судьба Ходорковского кажется подарочком. Он-то со своими олигархами расправился страшно. И он прошел через концлагерь для японцев, граждан Америки, во время Второй мировой войны, для нас Великой Отечественной войны. Америка при этом страна свободная. Но страна, ставшая свободной относительно недавно. Напомню, что права негритянскому населению были даны на нашей с вами памяти практически. Но мы зачастую всегда идеализируем. То народ, то сила руки. Ведь с другой стороны посмотрите: народ, как только в России власть становится слабой, народ-то идет вразнос. И в России власть де-факто может быть любой, кроме слабой. Другой вопрос, когда сильная власть в России направлена не на благосостояние народа, а на удовлетворение собственного эго, тогда народ страдает. А если кто-то пытается строить закон, государство, тогда народ это может только приобретать. Но историю же надо изучать. И у Юры же было понимание исторической концепции. Ведь Юра, мне всегда казалось, очень четко понимал, что на самом деле западники, в хорошем смысле этого слова, то есть люди, думающие категориями свободы и прочего, это же все такой тонкий слой позолоты – сотри, и дальше начинается совсем другое. Дальше начинается многовековая традиция. Ведь не случайно в России отмена крепостного права его не отменила. Ведь не случайно в России, если царь тиран, то тирания, а если царь демократ, то демократия, но все равно царь. Будь это наследственная монархия или преемственность, но все равно царь. И не случайно же называли царя Борисом. И когда вот ты начинаешь анализировать и смотреть, то ты упираешься в базу вопросов. А почему выбрали православие? Тогда еще глубже начинают копать. А может ли человек не православный... Не так.... А может ли человек православный не быть монархистом? И когда ты начинаешь смотреть, анализировать, то ты получаешь ответы, которые противоречат русской классической литературе 19-го века.

Е.Г. Но то православие, которое было, и сегодняшнее православие не имеет разницы.

В.С. А какое православие, когда было? В этом же основное... А в том-то и дело. Ведь его-то истинного не было. Православие без патриарха – не православие. Ведь Петр Первый сломал структуру русской православной церкви, превратив себя в главу церкви, учредив синод и прочее. То есть де-факто это стало министерством. И вот с этого началась трагедия русского

православия, которая привела потом и к коррупции русской души. Именно поэтому большевики так легко, если угодно, вошли. Потому что они же строили пародию на русскую духовность, русскую православную церковь. Поэтому, когда мы говорим о православии, надо понять, какой период мы смотрим.

Е.Е.Г. Если сегодняшнюю взять?

В.С. У них сейчас есть, ну я не в церкви, то есть как еврей, поэтому только смотрю со стороны. У них есть шанс, на самом деле наконец-то что-то сделать полезное. За многие-многие десятилетия. Потому что если при предыдущем патриархе была восстановлена, если угодно, материальная база церкви, то мне кажется, что патриарх Кирилл человек, который не только бесспорно духовный, но очень совестливый. И что интересно, когда абсолютно помешавшиеся подсвечники стали кричать: «Обязательно вводим закон Божий», он сказал: «Да не приведи Господь, ни в коем случае, ни в коем случае». Само слово «обязательно» уже звучит ужасно. Мало того, зачастую страхи, о влиянии церкви, сильно превосходят реальное влияние. Если посмотреть те угрозы, которые идут на русскую духовность, то они идут совсем не со стороны русской православной церкви. Это скорее идеи, которые Америка выносит вовне, но никогда не вовнутрь. Потому что ведь та мораль, которую насаждает Америка вовне, очень сильно отличается от внутренней. Америка каждое воскресенье в церквях. Каждое воскресенье. Это очень пуританская страна. Очень религиозная страна. Они ни разу не избирали атеистов-президентов. Один раз был католик Кеннеди. Все остальное протестанты, и очень жесткие религиозные убеждения. А у нас? 80% или 70% считают себя православными, из них в церковь ходят два. Не понимают, о чем идет речь из этих двух половина. Но все себя бьют кулаком в грудь и закусывают квашеной капустой, утирая лицо блином, и рассуждают о православии.

Е.Г. Но государство же сейчас опирается на православие?

Н.В.С. Нет, конечно. Ни в коей мере. То есть совсем не опирается. И напрасно. Потому что мораль должна над чем-то строиться. Государство, испуганное со времён Бориса Николаевича Ельцина, ушло с идеологической поляны полностью. И допустило этим глубочайшую ошибку. Потому что вот сейчас выросло поколение, которое вообще не понимает, о чём говорил Юра, они не понимают вообще, о чем речь. Конечно, они его не знают. Потому что, а кто он для них? Они же не читающие. У них нет понятия морали. Зачем? Выросло поколение людей, которые не понимают нашего с вами языка. И мы

в этом наивно виним православие. А бездуховность – как раз главный враг православия. Сейчас-то время атеистов. Они страшнее.

ВЕ.Г. Володь скажи, а ты же Переделкинский?

В.С. Я, да.

Е.Г. Там в церкви колокол от Солнцевской братвы. Вы об этом знали ?

К В.С. Конечно знал. Мало того, если посмотреть, то и Варавва, которого распяли рядом с Христом, тоже отличался жутким нравом. Бандит был. Однако вошел в царствие небесное. И в этом особенность, то, что раскаяние существует. Мало того, вопрос же гораздо более сложный. А захожу я в синагогу, а там таблички от ряда людей, которым руки подать не нельзя. А кто возглавлял Российско-еврейский конгресс? А кто на мечети жертвовал? А нашего любимого Карузо, кто поддерживал многие годы? А сколько театров построено на деньги кровавых убийц? А сколько великих колец? Нет, конечно, мы можем сказать, не смейте, заберите, а раскаянье?

Е.Г. Раскаянье все искупляет?

В.С. Нет. А кто сказал, что это искуплено? Раскаянье конечно. Не мне решать, это Господь решает, он видит, он взвешивает.

Е.Г. Сейчас все раскаются и начнется новая жизнь?

Н В.С. Не знаю. Просто не обладаю информацией как у Бога. То есть это вопрос к нему, эти решения принимает он. Но когда выходят люди на площади и кричат: «Не забудем, не простим», для меня они не русские интеллигенты. Если ты не умеешь прощать, ты не интеллигент.

Е.Г. Я опять через Юру к политике. Юра также писал, что вот «левацкая» молодежь – катализатор чудовищных событий.

К В.С. Конечно, это то что мы сейчас наблюдаем. Мало того, они ведь как? Вот мы говорили о бездуховности. Когда народ перестает понимать, и когда люди, считавшие себя интеллигентными демократами, выходят в одной толпе с наци и считают, что это нормально, вот как бы Юра был бы там, в этой толпе? Никогда. Есть вещи, которые делать нельзя никогда. Никогда.

Е.Г. А сама молодежь-то понимает, что она «левацкая»?

В.С. Нет, конечно.

–Е.Г. Или это толпа?

К В.С. Конечно, толпа. Молодежь – она не думает такими категориями... *Да ничего не надо. Вообще ничего, все хорошо...* Вопрос же в том, о чем вообще речь. Молодежь не думает такими категориями. Для молодежи это прикольно. Потому что морали, глубины нет. Век Интернета привел к очень забавным последствиям. Давайте предположим, что я вот сейчас здесь выставлю дикое количество книг по теоретической физике и там по теории групп. И люди будут знать, как зайти и взять. Они что, тут станут физиками и математиками? Нет, конечно. Интернет создает ложное ощущение, что вот же вся информация. А ты ее понять можешь? Пришло время поверхностное. Мало этого, люди гордятся тем, что не знают историю, тем, что не понимают, к чему это приведет. Они ведут себя, как дети со спичками. Учиться надо было. Учиться.

Е.Г. Но лишили же возможности, какой-то слой.

–В.С. Конечно, лишили и всегда лишали возможности, но семья есть семья. И обучение было в семье. Семья разрушена опять. Кто? Это же мы сами делаем. Это же вопрос, кто для кого. Вот есть наивное утверждение что «Рыба гниет с головы». Рыба отовсюду гниет. Мы же изначально во власти делегируем худших из себя. Или они там становятся такими? Да посмотрите, любого нашего товарища взять, поднять. Как быстро он, с ним надо будет заново знакомиться. Как быстро у людей сносит голову.

Е.Г. Каждый народ достоин своего правительства?

В.С. А иначе не бывает. Мы же его воспроизводим каждый раз. Ведь власть – это не только Кремль, не только Дума, не только Совет Федерации, Кабинет Министров. Ведь власть начинается с момента, когда бабушка приходит в собес. И какая-то мерзавка, которая, может, живет по соседству и говорит: «Ну нахер, встань и *неразборчиво*», и устраивает ей вырванные годы. Это что, власть виновата? Нет. Это наша ментальность такова. Почему в нашей стране никогда не выведут коррупцию? Потому что это форма нашего существования. Потому что, если ты приходишь к своему приятелю, который занял должность, он тебе говорит: «Старик ты что, это против закона» скажи: «Вот подонок». Если говорят, ну действительно: «Вот мерзавец, даже ничем не помог?» Ничем не помог. И вот это страшно.

Е.Г. А чего мы тогда на оранжевую революцию нарываемся?

В.С. Да мы на них и не нарываемся. То, что сейчас происходит, это не оранжевая революция, это фронды. Когда ряд сытых и недовольных, многие из которых даже не голосовали, почувствовали движение. Вот когда народ

проснется, он поднимет на вилы всех. И тех, которые думают сейчас, что они и есть народ, выйдя в количестве 70 тысяч, 100 тысяч. Они не понимают размер страны. И не понимают, что люди думают, на все это глядя. Даже близко не понимают.

Е.Г. А можно считать, что это фронды дозволенные?

М В.С. Мало этого, я глубоко убежден, что это фронты не только дозволенные, но что во многом, очевидное недовольство процессом, организовано, и продвигается силами внутри власти. То есть, это борьба за власть внутри власти, ведь ясно, что ряд этих вещей, но такие же проекты, как Навальный и многие другие, раскручивались конкретными людьми, конкретными олигархами 90-х годов, близкими еще к той семье, которые мне нравятся за силы питерских, которые хотят, чтобы их время вернулось. Ну ведь посмотрите на лидеров протеста. Это же нафталин. Ну и ряд там откровенных шизофрений. Но вот это же смешно. Ну смешно, когда Кудрин на полном серьезе возмущается тем, что произошло все. Солнышко, а ты где был 15 лет? Ты там и сидел. Смешно, когда Боря Немцов, который когда-то шел с плакатом “Путина в президенты и Кириенко в Думу”. Тот самый Немцов, который вдруг решил, что он смелый человек, да, он испугался идти в Норд-Ост. Это же его сломало, Борю. Не чеченцев он испугался, не бандитов – звонка из Кремлевской администрации. Ведь почему вот то, что сейчас происходит? Ведь даже это было инспирировано властью. Потому что 4 года президент Российской Федерации Дмитрий Анатольевич Медведев, говорил, что будут изменения. Кто стал говорить о том, что коррупция в стране повсеместна? Медведев. Создал комиссию по борьбе. Кто стал говорить, что судебная система продажна? Медведев. Создал комиссию по реформе судебной системы. Кто стал говорить, что милиция – кошмар? Медведев. Надо изменить. Кто стал говорить, что политическая система зачленена, и что Единая Россия каждый раз их пинала? Медведев. Кто стал говорить о необходимости кадрового резерва? Медведев. И когда вдруг в сентябре он говорит: «Шутка, сейчас мы поменяемся, и все будет хорошо». А ожидания-то народа раскочегарены. Потому что им уже казалось, что вот это была же статья о «России вперед». Они же все поднялись, а им потом говорят, уже никто никуда не идет. А он говорит: “Мы не поняли”. И сказал же именно тот самый, вот кого они стали называть креативным классом. А де-факто это, конечно, не совсем корректное определение. Но это люди, поверившие вот этим ожиданиям. Немного. Но есть. Просто, чтобы было понятно размер цифр. Недовольные всегда более активны, чем довольные. Всегда легче понять людей, кто против, чем те, кто за. Но одно место в

Государственной Думе весит больше 130 тысяч голосов. Поэтому ужас в том, что даже все те, которые вышли, не дотягивают на одно место в Госдуме. Просто, чтобы было понятно, какая у нас большая страна. Значит ли, что они еще не должны быть услышаны? Не значит. Но ведь они не хотят быть услышаны. Мало того, когда их стали показывать, ведь стало грустно. Чем больше они говорят, тем ниже у них рейтинги. Вот это же страшно. Идеи-то нет. Они так долго консервировались, и вдруг они вышли, и стало ясно, что “а вам сказать-то нечего”. Поэтому, конечно, это во многом вина власти. Потому что власть если что-то обещает, она раскочегаривает народ, она должна идти с опережающими темпами. И сейчас, очевидно, что кто бы ни стал президентом. Но когда фильм выйдет, мы уже будем знать, кто президент. Все равно повестка изменения страны никуда не денется. Никуда.

В Е.Г. Вы верите в изменения?

В.С. А варианта нет. Это вопрос выживания. Страна меняется всегда при нескольких условиях. Первое из них – необходимость выживания. Когда появляется страх у элиты – это единственная возможность. Второе – это внешняя угроза. А революционные никогда не бывают позитивными. В России ни одна революция ни к чему хорошему не приводила. Ни одна. Всегда деградация. Просто сейчас надо четко понимать, что, если начнется революция, закончится Югославией. Ну, давайте, это же элементарные расчеты. Давайте себе представим, что приходит к власти любой националист. Говорит: “Хватит кормить Кавказ”. Тут же отделяется Кавказ. Притом его военная мощь такова, что они его обратно не притянут. Тут же отделяется Татарстан, Башкортостан, ну, там, получаем проблемы. Тут же Сибирь начинает говорить: «А мы чего, будем кормить Москву?», Калининград тут же говорит: «Они вообще кошмарные, мы уходим», Дальний Восток говорит: «Ребята, вообще идите вы все». А что значит “идите вы все”? Значит, мы получаем набор воюющих друг с другом территорий. А что мы делаем с ядерными установками? Значит, надо вводить ограниченный контингент западных войск, для того, чтобы взять контроль над особо опасными объектами. Интервенция. Нерадостный сценарий.

00:37:17

Е.Г. Реально?

В.С. Вполне. То, о чем говорил Бжезинский довольно давно. Мало того, это сценарий, который был бы осуществлен, если бы к власти, они-то когда-то не привели Путина по ошибке. Они с Путиным неправильно посчитали. Дальше Путин стал допускать колоссальные ошибки. Потому что, если первые

четыре года, когда была борьба с олигархами, было понятно. А вторые четыре года, это когда чиновничий феодализм восторжествовал над олигархическим капитализмом.

Назовите хоть одну великую страну, которая после революции успешно развивалась. Америка – без революции. Франция – дикий спад после Великой Французской революции. Трагедия наполеоновских войн. Столетие практически забвения. Не дай Бог жить в тот период. Германия? Все понятно. И Италия. И то, и то там де-факто не было революций. России нужна эволюция. Но она должна строиться на других принципах. Изначально, эти принципы должны быть объявлены. Вот здесь их надо ввести. А несменяемость власти, отсутствие политической конкуренции – это, конечно, трагедия. Это ведет к застою. Несменяемость власти всегда приводит к гибели. Но власть может сменяться не при условиях «уберите самого сильного игрока», а при наличии реальной конкуренции. А реальная конкуренция будет всегда говорить: «А вы нас вырастите». А когда ты реально сильный. Что, английские власти растили Ганди с Неру, что ли? «Щас». Сильный-то как раз пробивается сам. Тогда он становится настоящим лидером.

Е.Г. А у нас есть альтернатива? Моруа говорил: «Чувство власти выше полового».

В.С. И правильно говорил. К счастью, это не для всех. Не все подвержены этому вирусу власти. Альтернативы есть всегда. Но, слушайте, вариантов же не бывает такого, что «Ах» и что, все, что ли? Да нет, конечно. Смертность человека подразумевает уже наличие альтернатив. Поэтому очевидно, конечно, есть альтернатива. Именно поэтому каждый человек невосполним, но его функции конечно, достаточно легко, чтобы выполнял другой человек.

Е.Г. Хотела бы вот вопрос Юрия повторить. “Просто информация сегодня уже никому не нужна. На мой взгляд, более важен поиск концепции сосуществования человека и системы, и найти ее невозможно”.

В.С. Во-первых, она существовала, эта концепция, всегда. То есть китайские философы решали это очень просто. Существование человека и системы, когда человек находится внутри государственного устройства – это конфуцианство. Когда он уходит в мир природы и отходит от мира – это даосизм. Разные версии там, Джань-Буддизма. Поэтому разные философские системы давали на это ответ. Информация всегда нужна. Проблема с верификацией информации и с ее толкованием. Ведь, что сейчас происходит?

Сколько убили людей? Сто? Кошмар трагедия. На следующий день сколько убили? Пятьдесят? Неинтересно. А тысячу бензопилой? Вау! Мы это будем показывать. А сейчас? Опять неинтересно. Маловато. Люди же... вырабатывается мозоль на душе. Мозоль на душе.

Е.Г. может быть переизбыток информации, шум, переходящий в шум?

К В.С. Конечно. Это и есть. Это и приводит к мозоли. Об этом еще и писал Константин Симонов. Гибель одного – трагедия многих статистик. Это то, что сейчас происходит. Достаточно, вот вас страшно обидели, недельку помолчите, об этом все забудут.

–Е.Г. Тогда, борьба за гласность, которую мы получили. ...

В.С. Была редкой глупостью. Гласность – не есть свобода. Ну здесь опять же, при всем сложном отношении к православию некоторых, надо отметить, что это справедливая была фраза, что правда без любви – ложь. У нас же гласность была использована, как орудие в свое время, Михаила Сергеевича против властных структур внутри, против конкурирующих политических группировок внутри ЦК КПСС и Политбюро. Он не понимал, какую дверку приоткрыл. А дальше смело всех. Потому что не было встречной концепции. А в истории России это уже один раз было. Когда великая русская классическая литература привела к совращению русской души и появился большевизм. “Тварь дрожащая или право имею?” – ну и? И как ты этим правом распорядился, его имею? Во что выросло? Хотя, конечно, картины, которые рисовали великие наши классики, раздирали душу на части. Только взамен-то они ничего не смогли предложить. В этом была проблема.

Е.Г. Такой тривиальный вопрос, но он достаточно болезненный, поскольку я тоже то поколение.Вы сейчас образ такой дали, “приоткрытая дверь Горбачева”, к самому Горбачеву.

В.С. Давайте отнесем историю на две тысячи лет вперед. Откроем толстенную энциклопедию. Горбачев Михаил Сергеевич взял в страну одну шестую часть суши, 240 миллионов, экономические показатели. А что отдал? Вот и весь ответ. Никогда в истории России не было военных поражений, которые привели к такой потере территории и населения. И во что вверг страну после этого? В десять преступных лет Ельцина? Человека, развязавшего гражданскую войну на территории собственного государства, когда русские самолеты бомбили русский город Грозный? Или Михаил Сергеевич, что, все забыли лопатки что ли в Тбилиси? Все забыли войну на национальных окраинах, как тогда называлось. Это при ком было? При

Горбачеве. Предательство национальных интересов, когда мы бросали наших союзников, тоже при Горбачеве. Очень красивая история любви с Раисой Максимовной, бесспорно. Но он же и свободу не дал. Нам казалось свободой два закона, которые протасили Федор Михайлович Бурлатский и Гаврил Харитонович Попов. Один разрешал нам выезд за границу, и прочее. А второй – о свободе слова. И мы решили, что это и есть свобода. А это всего лишь малый элемент.

Е.Г. Меня тогда очень удивляет, что достойные люди, сейчас Они считают Горбачева носителем именно глотка свободы, что он дал дерево свободы, которое мы должны были уберечь от влияния извне.

В.С. Какое деревце? Господи, ну что он посадил? Он что, дал частную собственность на землю? Он что, институт частной собственности ввел, деревце? Из-за этого деревца потом в Таджикистане была жуткая война. Это деревце – это армяно-азербайджанская война. Это деревце до сих пор полыхает, деревце. Свободу вообще нельзя дать, свободу можно только взять. У нас, у евреев, есть понятие храма. Храм приходит, когда народ готов, он не рукотворен. А здесь мы хотим, чтобы нам свободу что, американские штыки что ли принесли? Или Михаил Сергеевич спустился весь в таком в белом венчике из роз? Да ну.

Е.Г. Можно ли сегодня можно сегодня быть настоящим журналистом при таком шуме информационном, при таком недоверии к журналистике? Возможно ли появление второго Щекочихина?

0 В.С. Ну, во-первых, второго Щекочихина никогда не будет и не должен быть. Юра был один, и одним и останется навсегда. Будут ли хорошие журналисты – конечно. Они не будут Юрой. Потому что они выросли в другое время. Не на этом сломе эпох. Не видел того, что видел Юра и его поколение. Они никогда не могут быть Юрой. И не должны быть Юрой. Юра – герой своего времени. Замечательный герой своего времени. Рыцарь без страха и упрека.

О Е.Г. Ошибаться ведь мог?

В.С. А кто сказал, что рыцарь не ошибается? Врать не мог. Ошибаться мог. Заблуждаться мог. Лгать не мог. Это естественно, это жизнь. Господь Бог, наверное, только не ошибается. А журналисты, да всегда есть журналисты.

Е.Г. Не отомрет профессия?

В.С. Пока не отмирает. Просто шума много вокруг. Но народ же, он же чувствует, он понимает. Поэтому можно вкладывать любые деньги и раскручивать себя, а можно выйти, включает камеру, а потом смотришь цифры и все понятно.

—